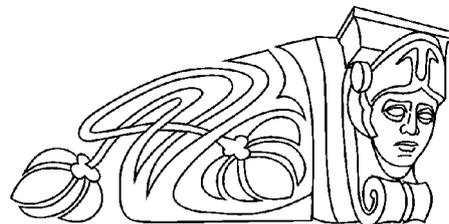

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 53–60
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 53–60
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

Научная статья
УДК [930.85+130.2](4-21)

Как построить Иерусалим? В поисках эволюции путей приватизации священного и мирского

А. М. Лотменцев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, 115184, г. Москва, Новокузнецкая улица, дом 23 Б

Лотменцев Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Историко-филологического факультета, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, Author ID: 370469

Аннотация. Автор предполагает, что поскольку Иерусалим стал одним из (наряду с Римом и отчасти Афинами) образцовых городов для европейского сознания, его наследие проявляется в неизменном соотношении систем, создаваемых политиками и их культурными протезами, и коррелирует с системами, описанными в Ветхом и Новом Заветах. Образцовое архетипическое государство сравнивалось не только с Римом Цезаря и державой Александра Македонского, но в первую очередь с Израилем Давида и Соломона. Такое сравнение давало очень надежную и долгосрочную перспективу на будущее. Сами правители были вынуждены ориентироваться на этих двух образцовых монархов. При этом не было попыток соотнести свое государство с постхасмонейским Израилем, поскольку вопросы о соотношении духовной и светской власти слишком остро стояли для многих средневековых государств.

Ключевые слова: Иерусалим, Этчмиадзин, Новый Иерусалим, Андрей Боголюбский, Белград, Вавилон

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А. М. Как построить Иерусалим? В поисках эволюции путей приватизации священного и мирского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

How to build Jerusalem? In search of the evolution of ways to privatize the sacred and the secular

A. M. Lotmentsev

St. Tikhon's, Orthodox University, 23 B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia

Andrey M. Lotmentsev, avlot@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0663-6224>, Author ID: 370469

Abstract. The author suggests that since Jerusalem has become one of the model cities for European consciousness (along with Rome and partly Athens), its legacy manifests itself in the invariable correlation of the systems created by politicians and their cultural protégés with those described in the Old and New Testaments. The model archetypal state was compared not only with Caesar's Rome and the power of Alexander the Great, but primarily with the Israel of David and Solomon, despite its fragility. This comparison provided a very reliable and long-term perspective for the future. The rulers themselves were forced to focus on these two exemplary monarchs. At the same time, there were no attempts to correlate their state with post-Hasmonean Israel, since Dostoevsky's question about the relationship of spiritual and secular power was already too acute for many medieval states.

Keywords: Jerusalem, Etchmiadzin, Grebenschchikov, New Jerusalem, Andrey Bogolyubsky, Belgrade

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project: "The Earthly City and the Celestial City: A medieval city as a mirror of Jerusalem" with the support of the St. Tikhon Orthodox University and the "Active Tradition" Foundation.

For citation: Lotmentsev A. M. How to build Jerusalem? In search of the evolution of ways to privatize the sacred and the secular. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 53–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-53-60>, EDN: RYYORO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Иерусалим имеет особое значение для истории развития европейских государств. Если в Китае конфуцианское наследие постоянно заставляло сверять часы по времени Шанского государства, Чжоу-вана и Ранней Хань, то многие европейские державы возникли в X–XI вв. и у них не было явной предыстории. Польское государство Пястов, отчасти пражские Пржемысловичи (которые все же могли ориентироваться на опыт Великой Моравии), норвежские и датские правители, князья Киевской Руси не имели возможности взывать к непосредственному историческому опыту, что ставило определенные вопросы перед элитой. Приходилось или придумывать собственную предысторию, что лучше всего получилось у датского ученого Саксона Грамматика и ирландских авторов (в обоих случаях датировка жизни Иисуса Христа непосредственно привязывается к древним королям Фродо и Конхобару), или выводить создание собственного государства из деятельности Юлия Цезаря, Октавиана Августа или Александра Македонского, как делал Галл Аноним в Польше, или же пересказывать византийскую, а то и римскую историю, как делали киевские летописцы в надежде вывести из нее основание собственной страны.

Через Византию тропы истории вели к Риму, затем в эллинистическую античность и далее в глубь восточной истории. События выделить из ее толпы праведные и неправедные государства было велико. Ветхий Завет рассматривает в основе исторического процесса борьбу между образцовым библейским народом и его врагами. Таким образом, древние конфликты еврейских переселенцев с моавитянами, мадианитянами, амореями и арамеями были положены в основу понимания того, как должны складываться отношениями с соседями [1, с. 73–85; 2, с. 16–52]. При этом учитывалось, что одни соседи евреев (Египет) обладали мощным государственным аппаратом и более развитой цивилизацией, другие (Ассирия) – сильной военной машиной, третьи (Вавилон) – еще и превосходящей экономикой. Поскольку начало государственности совпадало с христианизацией обширных земель, столь разные идеи выплат налогов и крещения оказались взаимосвязаны. Демонстрация могущества правителей во многом проявлялась в воздвижении каменных храмов, что было совершенным новшеством, например, во Владимирской Руси. Действительно, владимирская, суздальская, юрьев-польская, ростовская архитектуры XII–XIII вв. несут ясное послание: «К вам пришли правители, делающие невиданные вещи, за нами мировая цивилизация». Отсюда отсылки к Античности, слоны и растительные орнаменты, полеты Александра Македонского на фасадах соборов, возводимых безымянными зодчими. Владимирские князья проявили себя как представители глобализации,

принеся новую для этих земель идею государственности, ранее здесь отсутствующую.

Князья, получив доступ к письменности и Библии, а также к связанным с ней текстам, стремились поделиться своими открытиями с народом. Вспомним, как мало свидетельств осталось у нас от догосударственной жизни и сколь многое могли предложить первые русские книжники своему окружению. Ситуация крещения Руси, Норвегии и Польши совершенно отличалась от существующей в пределах бывшей Римской империи, где строительство государственной системы проходило в иной древнеотеческой парадигме национальной религии. Индийские мыслители-государственники увязывают создание национального государства с Айодхьей царевича Рамы, еще однозначнее обстоят дела в Японии, где первый император выступает и внуком богини Аматерасу, и основателем нации. Так и в Риме было изначально 2–3 основных храма: Юпитера, Марса и его сына Ромула, творца Города.

Если предположить, что создатели новых государств в христианской традиции при постройке своих столиц были вынуждены делать выбор между Римом и Иерусалимом, то необходимость выбора объясняется еще и низкой степенью урбанизации на Руси и Восточной Европе. Как и у средневековых философов-реалистов, идея предшествовала архитектурному осуществлению и определяла его. При этом современный Рим выступал (будучи значительно запущенным) действующим актором истории, а Иерусалим, многократно разрушенный да и известный скорее по Святому Писанию, почти недоступный в фатимидский период, был городом прошлого и грядущего. Обещание Небесного Иерусалима является двигателем христианской жизни, и правители своими соборами давали народу надежду на лучшее посмертное будущее. Это отчасти оправдывало возросшее фискальное бремя и придавало самим правителям статус, которого тщетно добивались германские Гогенштауфены. Впрочем, ведь крещение Германии активно происходило с начала IX в., когда Карл Великий вел Саксонские войны и практически во многом хронологически совпадало со временем крещения Руси.

Но что же представлял из себя сам Иерусалим, на который предполагалось отныне ориентироваться? Какая разница с тем, что мог предложить Рим, бывший не просто столицей, а собственно государством! Римская империя не могла существовать без Рима, ни один историк не в состоянии этого представить. Израильское государство вполне могло функционировать со столицей где-нибудь в Сихеме или Сауловой Гиве, оно наполнено историчностью. Средневековые студенты, изучавшие Библию, не могли не думать о том, каким образом исторический процесс связан с действиями Троичного Бога, как

именно являет он себя в истории. Далеко не всегда ответы на вопросы, задаваемые правителями, вытекали из Библии. Даже самые образцовые цари (Давид и Соломон) были грешниками [3, с. 350–371]. Их государственная деятельность в итоге привела государство к скорому распаду. При этом и Давид, и Соломон оставались образцами правителей. Давид выступал юным победителем Голиафа и пожилым псалмопевцем (обманом завладевшим Вирсавией), а Соломон – воплощением мудрости (женатым на дочери египетского фараона). Такой моральный дуализм вызвал к жизни образ князя Владимира русского летописания, только сложный образ был рассечен крещением героя.

Внимательные читатели Библии не могли не прийти к выводу о том, что возможности даже праведных царей были ограничены, а сам Израиль балансировал на грани существования, решая проблемы, возникавшие при взаимодействии политических гигантов, Египта, Ассирии, Вавилона, Хеттского государства. Причем это противостояние носило совершенно перманентный характер. Как маккавеи восстали против Селевкидов, учитывая позиции египетских Птолемеев, так и последние иерусалимские правители отчаянно выбирали в VIII и VI вв. до РХ, кого поддержать – Новоегипетское царство или Навуходоносора [4]. Сами пророки давали довольно неоднозначные ответы на эти вопросы, они могли поддерживать как одну, так и другую сторону, неизменно настаивая на палестинском примате, борьбе с филистимлянами из Газы и столь страшной для них Финикией-Ливаном, рассадником языческих божеств. Иными словами, Ветхий Завет воспринимался как учебник политологии, аналог «Артхашастры» Каутильи. И древнерусских книжников никак нельзя обвинять в недостатке кругозора, скорее следует восхищаться их творческим подходом. Римские тексты Плиния, Ливия и Тацита стали известны значительно позже. Гораздо сложнее интерпретировать с политической точки зрения Новый Завет.

Жизнь Иисуса Христа связана с целым рядом городов, как близким территориально к Иерусалиму Вифлеемом, так и достаточно далекими галилейскими, но последние его дни прошли именно в Иерусалиме. Все же события жизни и смерти Богочеловека были, безусловно, неоднозначными, таинственными, нюансированными. Не случайны дискуссии о роли и степени вины Понтия Пилата, аспектах позиции Ирода Антипы. В евангельской истории много неоднозначных моментов, как-то: причины предательства Иуды, система принятия решений вокруг Синедриона. Важно, что новозаветные события привели Иисуса Христа в тот же город, вокруг которого развивалась ветхозаветная история, получившая логичное завершение. Какое же послание авторы Нового Завета оставили политологам и основателям новых государств? Очевидно, что

никакого. Евангелия являются описанием жизни праведника, проделавшего путь из северной провинции в столицу и безвинно казненного. Представители власти выставляются в такой ситуации априори отрицательными персонажами. При этом историчность Евангелий представила эту коллективную власть не монолитной, а неоднозначной по интенциям. Понтий Пилат, царь Ирод с неясными полномочиями и Синедрион явно имеют свои собственные несовпадающие цели, но все они участвуют в поругании и казни Иисуса Христа.

Средневековые мыслители считали, что Христос принял крестные муки в том же месте, где умер ветхозаветный Адам. Поскольку с их точки зрения все происходило в Иерусалиме, этот город по значению уже существенно превзошел земную славу (к тому же поблекшую) Рима. Это было место, где началась история и где она закончилась. Адам провел столетия в Эдеме, а крестные муки Спасителя не столько завершили, сколько изменили историю. Евангелисты, безусловно, ожидали Второго пришествия Господа весьма в скором времени. Вокруг оси мировой истории строились всевозможные теории, и Крест, на котором был распят Иисус, скоро превратился в подобие Мирового дерева, столь любимого в индоевропейской мифологии. Воины Карла Великого, вырубаящие священные германские рощи, были предшественниками монахов, на протяжении веков проводивших тяжелую агитационную работу, реликтом которой является рождественская елочка, завезенная в Россию Александрой Федоровной.

Мы обсудим ряд случаев реконструкции Иерусалима, некоторые из которых малоизвестны и дискуссионны. Попытка воспроизводства древней ближневосточной столицы в снегах ближнего Подмосковья уже достаточно странна, но не меньше удивляют и другие проекты. Нас ждет проект Нового Иерусалима Патриарха Никона [5, с. 21–54], мцхетские и эчмиадзинские конструкции [6, с. 15–31; 7, с. 11–61].

Отметим, что существенной представляется также оппозиция Иерусалим–Вавилон, которая настолько вошла в кровь и плоть христианского общества, что отсылки к ней имеются практически в любом достаточно сложном творчестве, как политическом, так и поэтическом. На закате советской истории и вплоть до настоящего времени она ярко проявилась в творчестве нашего современника русского поэта-исполнителя Бориса Гребенщикова [8, с. 31, 47, 115, 135, 172 и т. д.]. Казалось бы, советские реалии, в рамках которых начало развиваться его творчество, не способствовало таким оппозициям, скорее можно было бы ожидать традиционного противостояния Москва – Петербург [9].

Вавилон, бывший центром мощной державы Хаммурапи с XIX в. до РХ, претендовал на роль региональной доминанты. Испытывая

взлеты и падения, как в XVI в., когда поражения от хеттов низвели его до роли центра болотного княжества, он продолжал пользоваться авторитетом даже в тяжелые времена (судя по архиву, в Амарне). В VII в. вавилоняне смогли не только довести до победы безнадежную партизанскую войну, но и в союзе со скифами и мидянами уничтожили Ассирийское государство, став основным источником проблем для Египта [10, с. 34–68].

Разгром Иудеи Навуходоносором стал историческим поворотом истории еврейского народа. Вавилон воспринимался как грандиозный ресурсный мегаполис, куда согнали на принудительные стройки жителей Иерусалима. Отныне нееврейским городам с еврейским присутствием была уготована роль Вавилона. Ложная родина, возможно, более комфортная для жизни, куда не по своей воле удалились лучшие, так выглядел город, название которого, вероятно, переводится как врата Бога (Мардука). Вавилон Хаммурапи и Навуходоносора потерял актуальность в новозаветные времена (наверное, как город, где скончался Александр Македонский, он был сочтен несчастливym его наследниками). Не удивительно, что для религиозных евреев I–II вв. римляне, разрушившие Иерусалим, ассоциировались со своими предшественниками-вавилонянами. Окончательную точку в вопросе, казалось, поставил император Адриан, приказавший уничтожить руины Иерусалима.

Вместо «белого города на далеком холме» царя Ирода была возведена Элия Капитолина – город, куда евреев не допускали. Отныне праведникам здесь не было места. Иерусалим превратился в нечто противоположное, анти-Иерусалим, Вавилоном же выступал сам Рим. Однако спустя полтора века произошло чудо обращения императора Константина на Мильвиевом мосту.

Следствием этого события стало историческое посещение города матерью императора Еленой, в ходе которой был обретен Крест Господень и начато строительство храма Гроба Господнего. Следствием было и возрождение самого Иерусалима, причем возникло множество вопросов, относящихся к его реконструкции. Некоторые из них до нашего времени являются достаточно спорными. Новый Иерусалим, возведенный на месте Элия Капитолины, не был аналогом старого Иерусалима Второго храма или времен его перестройки Иродом. Предположим, что именно этот Новый Христианский Иерусалим заката Римского государства вдохновлял наряду со Священным Писанием философов и топографов. Несмотря на скромную роль иерусалимских патриархов, державшихся в тени константинопольских владык, идея о возвращении «в свой дом на вершине холма» кажется вполне вмещающейся в христианский подход к вопросу.

Что же представлял собой этот город? Безусловно, он не был похож на идеальное устройство-коммуны, город свободных, прошедший через десятки фильтров Небесный Иерусалим. В нем меньше всего были представлены евреи, поскольку само христианство прошло важную трансформацию, превратившись из скромного культа наподобие ессейского в имперский, который должен был сменить отеческую религию Юпитера и Марса, Венеры и Гестии. Об этом следует помнить при обсуждении судеб Византии и тех стран, в которых пытаются воспроизвести характер симфонии ее властей, светских и церковных.

Иерусалим был возрожден, но что же случилось с Вавилоном? Его появление было всегда удобным для моралистов, а также в тех редких случаях, когда христианские государства вели войну против Ирака (государства появившегося в XX в.) или его предшественников. С промышленной революцией наступает настоящее царство Вавилонов, в которые последовательно превращались Лондон, Нью-Йорк и Берлин. Образ древней Вавилонской башни прекрасно вписался во многие концепции вместе с вавилонской блудницей, изначально, видимо, храмовой девой, представлявшей супругу Мардука, Царпанит.

Поиски идеального города – часть естественного становления творческого человека, обладающего способностями поэта, архитектора или писателя. Если поэт может написать проникновенный гимн о Иерусалиме, то император или градоначальник мог оставить памятник, в создании которого участвовала значительная часть социума. Большей частью представления о Иерусалиме в Европе до крестовых походов не отличались четкостью. Впрочем, исторический Иерусалим неоднократно разрушался задолго до римлян.

Иевусейский Иерусалим X в. был, вероятно, построен на руинах неизвестного нам города [11, с. 23–28]. Мы не знаем, насколько царь Давид занимался вопросами реконструкции, но руины его дворца только несколько лет назад были обнаружены археологами. Разрушение Иерусалима вавилонянами вошло в историю. Его реконструкция во времена Ездры была в сущности строительством нового города, подобным попыткам несчастных жителей Владимирской или Киевской Руси возродить свои города после Батыева нашествия. Если какие-то города и начинали функционировать заново, прошлое было безвозвратно утеряно. Мы встречаемся с историческим аналогом корабля Тесея, в котором заменяли доски, пока не стало совершенно непонятно, остался ли он тем же. В случае с Иерусалимом уподобление античному кораблю кажется справедливым. По мере пожаров, бедствий и последующих перестроек он остался идеей, население в нем поменялось полностью

и много раз, но тем больше было желающих сказать: «Я – это Иерусалим». Принадлежность философской идеи сложнее оспорить, чем историческое наследие, и Иерусалим был вознесен в столь чистую область духа, что каждый народ получил возможность на него претендовать

Как справедливо писал А. М. Лидов, мы имеем дело с многократными попытками «пересоздания и перенесения сакрального пространства Святой земли» [12, с. 5–10]. Попытки воспроизведения элементов Святой Земли, Иерусалима в первую очередь, начинаются с IV в., и сам Иерусалим был собственно первым в череде подобных реконструкций. В результате походов крестоносцев отсылка к Иерусалиму становится в разы больше. Пизанцы даже организовали массовый вывоз тонн земли с Голгофы, создавая Кампо Санто. Осуществлялось строительство комплексов, воплощающих определенные аспекты географии Святой Земли в Тоскане и Ломбардии. Особую активность проявляли при этом францисканцы, непосредственно связанные с Палестиной. Впоследствии идеальный город станет доминантой интеллектуального ландшафта Европы. Проекты Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы и Френсиса Бэкона (литературные) будут выстроены во многом вокруг их представлений о Иерусалиме. В Польше строятся города, явно перекликающиеся своей внутренней топографией с иерусалимской действительностью (знаменитый город Замосць [13, с. 195–201]). Попыткой создания Небесного Иерусалима была деятельность ордена иезуитов, образовавших государство в Парагвае.

Воссоздание Иерусалима могло предприниматься вне пределов Римской империи, причем почти одновременно с деятельностью св. Елены в Иерусалиме. Если исходить из того, что святой город иудеев и Христа был уничтожен по приказу императора Адриана, а восстановленный Константином великий Иерусалим был принципиально новым явлением, то Эчмиадзин и Мцхета могут претендовать на первенство. В 20 км от современного Еревана находится город Вагаршапат – царская резиденция царя Вагарша, современника императора Адриана. В городе располагается основной духовный центр армян Эчмиадзин, в честь которого несколько десятилетий назывался и сам Вагаршапат. Языческая составляющая здесь еще более очевидна, чем в Мцхете. Вероятно, в древности здесь располагался храм Артемиды или одной из ее ипостасей (Белой богини, по выражению Р. Грейвза). Тут же находился и дворец армянского царя, что позволяет говорить об обычной для Ближнего Востока схеме Храм+Дворец, вполне напоминающей Иерусалим (Дворец-Давид, Храм-Соломон).

Кафедральный собор был заложен на руинах античных объектов и сохраняется возможность

трактовать Армянское государство как квазиэллинистическое. В IV в. здесь разворачивается деятельность святого Григория Просветителя. Св. Григорию явился ангел и указал ему на колонну из огня, на которой был водружен крест, испускающий сияние, низ же колонны был из золота. Предполагалось, что здесь должен быть построен собор, на месте, где приняли мученичество девы. Имеются в виду 37 монахинь, бежавших от гонения императора Диоклетиана в Египет, а затем в Армению. 35 из них были казнены после того, как царь неудачно посватался к одной из них, 2 бежали, одна из них – та самая св. Нино, по молитве которой будет крещена Грузия. А. Ю. Казарян указывает на другую легенду, согласно которой сам Иисус Христос спустился на землю и ударил по ней золотым молотом, указывая место для строительства собора [7, с. 128]. Собственно, Эчмиадзин значит «Сошел Единородный». Отсылка к армянской мифологии довольно очевидная. Как Крест Господень соединил небо и землю, так же объясняется и золотой молот, в рамках священного мостостроительства.

В IV в. собор да и весь город подверглись полному разрушению, хотя в начале V в. начинается его восстановление, в котором активную роль играл Месроп Маштоц. При этом Армения скоро теряет независимость. В 484 г. здание собора пришлось восстанавливать заново, что свидетельствует о тяжелых временах. Строительство в Вагаршапате продолжается, появляется первая епархиальная библиотека, в VII в. католикос возводит дворец для Патриарха на месте, где св. Григорий убедил царя Трдата принять христианство. Тогда же был возведен Звартноц (храм Бдящих сил).

Не исключено, что великие армянские храмы, сохранившиеся до нашего времени, несут в себе следы древней гностической традиции. Все же интересно было бы провести параллель между ролью св. Елены, св. Нино и св. Гаянэ.

Отметим, что сам Крест Господень был обнаружен св. Еленой (или, как отмечают другие историки, без ее участия). После находки она разделила Крест на две части, одна из которых была оставлена в Иерусалиме, а другая увезена ею, причем была разделена на множество частей. Основная из них хранилась в Константинополе, при этом ряд хронистов сообщают, что многие даже не слишком знатные паломники приобретали его кусочки и носили в ладанках.

Оставшийся в Иерусалиме фрагмент был поделен на множество частей при нашествии персов, а, по другим сведениям, увезен ими и потом выкуплен императором Ираклием. Окончательно он был утерян крестоносцами в ходе Хаттинской битвы, когда один из его хранителей закопал святыню в землю, а впоследствии не смог найти. Французским королем Людовиком IX Святым [14, с. 211] был куплен другой фрагмент, хранившийся в Константинополе. Разумеется, к этой

истории можно отнести критически. Крест как будто приумножается делением подобно хлебу. Фрагментов креста столько, что теоретически можно предположить их присутствие и в неожиданных местах, т. е. при оптимистичном взгляде на дело Крест производит своего рода экспансию, распространяя свое влияние на новые земли, не исключая и Эчмиадзина, где хранилась частица Древа Господнего.

Собственно, мы видим, что в условиях единой религии, которая охватила огромную территорию, Европу, значительную часть Азии и в итоге Америку санкции на политическую власть оказались неразрывно связаны с религиозной основой. Но основа эта наиболее понятно выраженной оказалась в сумме артефактов, связанных с пребыванием на земле Бога.

Как видим, наступление велось с двух сторон, с одной из них наличие в собственности правителя вещей, связанных с жизнью Иисуса Христа, подтверждало мощь этой страны, особый статус, составляло, так сказать, томос на существование. С другой стороны, можно было предпринять попытку воспроизвести фрагмент Иерусалима, например, храм Гроба Господня на совершенно новой территории. В перспективе такой объект мог уже считаться в чем-то равноправным с изначальным или даже превосходящим изначальный, как загрязненный иноверчеством.

Французский король Людовик IX, единственный канонизированный король этой страны, провел грандиозное строительство капеллы Сент-Шапель, первой по красоте в Европе из сакральной архитектуры для того, чтобы хранить фрагмент Честного Креста и Терновый Венец, еще одно важнейшее свидетельство мук Иисуса Христа. Эти артефакты он купил у лагинского императора, испытывавшего серьезные финансовые и военные трудности. Необычайно даже по средневековым меркам религиозный человек, Людовик дважды ходил в крестовые походы, закончив в Тунисе свою жизнь, был наиболее авторитетной фигурой европейской политики на протяжении десятилетий. Он не мог не сопоставлять себя с Карлом Великим, совершенно архетипической личностью, образцом для любого европейского правителя. У Карла Великого были планы на Италию и Византию (неосуществленные в последнем случае). Связывало ли что-то Карла с Иерусалимом?

Ответ на этот вопрос попыталась дать Nicolette Izard, исследовавшая средневековые песни о Карле и его посещении Иерусалима [15, с. 313–337]. Это отчасти юмористическая шансон-дюжест XII в. повествует о странствиях императора, крайне благочестивого и стремящегося найти реликвии, которые можно использовать в политических целях. Людовик IX видится нам более искренним человеком, для которого религиозный

аспект по значимости намного превосходил политические выгоды.

Коронация Карла в 800 г. не была попыткой узурпировать трон византийских императоров, а скорее шагом в сложной политической игре. Вероятно, инициатором мероприятия был Папа Лев III. Отсюда сетования у Эйнхардта о том, что он не посоветовался предварительно с Карлом [16, с. 25–26]. Ряд историков считают, что усиление Франкского государства было реакцией на наступление ислама подобно тому, как выборы испанского короля Карла императором стало реакцией на наступление Сулеймана Великолепного. Выгодополучателем коронации был вовсе не Карл, а Папа Лев, сделавший его императором по своей воле и утвердивший Рим в качестве столицы, что городу после столетий главенства Константинополя, безусловно, требовалось. Может быть, вследствие этого акта Ахен был обречен стать рядовым немецким городком. Собственно, Папа Лев подтвердил курс покровительства своего института династии Арнульфingов-Пипинидов. Характерно, что исторической путь этой династии оказался действительно недолог в отличие от папского института. Получается, что Рим преодолел иерусалимскую идею Карла, существование которой мы пока не доказали?

В конце VIII в. у Карла были все основания для политического оптимизма. Его советник по культуре Алкуин подчеркивал в своем послании, что из трех носителей власти (византийский император был тогда отстранен от власти по указу своей мамы, а влияние Папы даже в Риме было под большим вопросом) Карл является основным актором, и все дело христианства находится в его руках. Характерно, что Алкуин называет Карла Давидом в своих письмах (накопец, мы подошли к иерусалимской теме). Папа Лев превращался в таких обстоятельствах в пророка Самуила, а себя Алкуин именовал (Горацием) Флакком. Лесть Флакка была тонкой, он намекал, что они оба поэты и претендовал на равное обхождение. В то же время Карл любил произведение Августина «О граде Божьем» и, видимо, ориентировался на него в некоторых проектах.

Патриарх Иерусалимский Георгий отправил к Карлу посольство, которое передало ему ключи от Храма Гроба Господня и, по одной сомнительной добавке в источнике, от самого града Иерусалима. Характерно, что посольство прибыло накануне римских событий (один из многих аргументов против спонтанности рождественской коронации). Впрочем, даже про самого Патриарха и обстоятельства его правления известно крайне немного. А вот то, что Карл поддерживал на удивление тесные контакты с аббасидским халифом Харуном аль-Рашидом хорошо известно. Высказывалось даже мнение, что Харун мог передать некую форму суверенитета над Иерусалимом Карлу в силу малой

значимости города для багдадского правительства и некоторой сомнительности самого факта контроля города. Впрочем, в таком случае Алкуин нашел бы возможность гораздо выразительнее подчеркнуть это событие.

Карл всю жизнь достраивал Ахен, унаследованный им от отца Пипина Короткого. У него было много дворцов и он много времени проводил в походах. Ахенский дворец превосходил остальные по значению. Не случайно его называли Вторым Римом, параллели проводились также между ним и Константинополем. В Палатинской часовне Ахена хранится канделябр, подаренный Фридрихом Барбароссой и его женой Беатрисой, яркое свидетельство развития идей советников Карла этим германским императором. Именно Фридрих смог развить в своем кельнском проекте, реализованном уже в начале XIII в. после его смерти, новые культы, которые должны были носить имперский характер, но практически стали собственностью города, культ трех волхвов-королей и сменивший его культ 11 тыс. дев-урсулинок [17, с. 162–166].

Московский Патриарх Никон попытался воспроизвести образы Иерусалима и Святой Земли на довольно значительном пространстве. Проект Нового Иерусалима должен был подчеркнуть и представить зримый образ того, что Москва является Третьим Римом и Вторым Иерусалимом. Ранее подобный проект был известен царю Борису Годунову, но тот не смог его осуществить. В Палестину была направлена своего рода научная экспедиция. Она провела исследовательскую работу в иерусалимском храме Гроба Господня, который предстояло скопировать (перенести) на московскую землю. Выдержки из «Проскинитария» монаха Арсения (Суханова) были выгравированы на каменных плитах Воскресенского собора в Новом подмосковном Иерусалиме.

Сам Никон после оставления патриаршего престола переехал в Ново-Иерусалимский монастырь и провел здесь 8 плодотворных лет, пытаясь максимально приблизить создаваемый им объект к первообразу. Очередное ухудшение отношений с царем Алексеем Михайловичем привело к ссылке Патриарха Никона и его последующей смерти по время этапирования.

За эти годы Никон попытался в максимальной степени воспроизвести известные из Нового Завета объекты на подведомственной ему территории. В символические рамки Святой Земли Подмосковья включались и сакральные объекты, возведенные боярами, которые часто не приветствовали инициативы Никона. Так, с. Сафатово получило название Вифании. Село Котельниково стало Вознесенским, с. Никулино – центром Галилеи. Увы, финансовый аспект строительства, вероятно, также повлиял на последующие трагические события и судьбу Патриарха. Фигура царя, очевидно, имеет здесь большое значение,

кажется, что именно он должен был стать главным Зрителем, но сам Никон, мысливший себя отцом царя, василеопатором, пытался добиться того же положения, которое имел Патриарх Филарет при своем сыне Михаиле [5, с. 18–25].

Сложности возникли с поиском Вифлеема, а ось Вифлеем–Иерусалим, безусловно, напрашивалась. Роль Вифлеема должно было играть с. Петровское-Рождествено. Особое значение имел тот факт, что эти пункты в определенной очередности должна была посещать царская семья. Надо ли говорить, что в таком случае совершалось определенное театральное действие, вдохновителем которого выступал Никон?

Голгофский крест и Кувуклия, как и образ Спаса Нерукотворного, были важнейшими святынями нового Града Господня. Письмо Алексея Михайловича с подтверждением аутентичности Нового Иерусалима было положено под святой престол Никоном.

С патриотической точки зрения, выигрыш был также очевиден. Сам факт нахождения Иерусалима под контролем Османского государства не мог не смущать многих паломников, не говоря о наличии мечети Аль-Акса в стратегически важном месте. Русский паломник, привыкший к моноконфессиональной среде, сталкивался (или мог столкнуться) с огромным числом самых разных исповедований, о которых ранее мог и не слышать. То, что должно было стать важнейшим духовным опытом на личном уровне, могло стать и соблазном. Не случайно ко многим паломникам и особенно паломницам во всех странах относились с большим подозрением.

В некоторых случаях воспроизведение Палестины было связано со скупкой артефактов, мощей и реликвий и становилось одной из основных целей ранненационального государства. Отметим крах крестовых походов, когда невозможность возвращения Иерусалима начала провоцировать христиан на символический его перенос в свои земли. Патриарх Никон, безусловно, преследовал разноплановые цели. Предположим, что Новый Иерусалим был своего рода не сработавшей ловушкой для Алексея Михайловича, театральным лабиринтом, где тот должен был потеряться, выполняя предписанные Никоном действия. Нет сомнений в том, что Никон желал сделать царя Алексея частью своей мир-системы, обжить его, приобщив к созданному им священному иконическому пространству. В конечном итоге Новый Иерусалим Никона постигла печальная участь, он остался кратковременным памятником того, что Иерусалим может быть только один.

Но правильно ли говорить о неудаче подобных проектов? Такой вопрос обсуждал еще Х. Л. Борхес. Идеальное воспроизведение Святой Земли невозможно по многим причинам. Палестина времен Иисуса Христа отличалась

от Палестины царя Давида. Выбирая одно, пришлось бы отказаться от многого другого. Выбор местности также превращался в непростую задачу [цит. по: 18, с. 51–62].

Подводя итоги, отметим, что священная топография Иерусалима стала образцом как для восстановленного св. Еленой Иерусалима, так и для схожих проектов Эчмиадзина и Мцхеты. На иерусалимское наследие ориентировался в ряде отношений Карл Великий, пытавшийся стать покровителем этого города и использовавший иерусалимские мотивы в Ахене. Позже Иерусалим служил ориентиром для ряда князей Владимирской Руси, в Германии – для Фридриха Барбароссы, во Франции – для Людовика Святого, за время своего долгого правления, организовавшего Сент Шапель и проведшего две крестовых похода скорее в направлении Иерусалима. В XV в. мы наблюдаем последнюю попытку реставрации Сербского королевства в белградском проекте Стефана Лазаревича, наиболее известный проект Нового Иерусалима в России был осуществлен Патриархом Никоном.

Список литературы

1. Ардер И., Барталь А., Дрори Й., Кацир Я., Нир Р., Розен М., Халамиш А. Иерусалим в веках: в 10 ч. Курс академической программы Открытого университета Израиля. Ч. 3 : Иерусалим под властью Рима. Тель-Авив : Издательство Открытого Университета Израиля, 1997. 208 с.
2. Армстронг К. Иерусалим: Один город, три религии / пер. с англ. Е. Лалаян; 2-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2012. 790 с.
3. Тантлевский И. Р. Царь Давид и его эпоха в Библии и истории. СПб. : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2016. 422 с.
4. Бивен Э. Династия Птолемея. История Египта в эпоху эллинизма / пер. с англ. Т. Шуликовой. М. : Центрполиграф, 2011. 447 с.
5. Зеленская Г. М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М. : Радуга, 2003. 384 с.
6. Чхартушвили М. Мцхета как Новый Иерусалим: иеротопия «Жития св. Нино» // Лидов А. М. Иеротопия. Исследование сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Радуница, 2004. С. 15–33.
7. Казарян А. Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М. : Lokus Standi, 2007. 216 с.
8. Гребеничиков Б. Г. Песни. М. : Эксмо, 2018. 800 с.
9. Москва – Петербург: pro et contra. Антология. М. : Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2000. 712 с.
10. Сагс Г. Величие Вавилона: история древней цивилизации Междуречья / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2012. 461 с.
11. Монтефьоре С. Иерусалим. Биография / пер. с англ. И. Павлова. М. : Corpus, 2017. 720 с.
12. Лидов А. М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 5–10.
13. Дмитриева М. Э. Польский город Замостье как архитектурно-театральная утопия эпохи Ренессанса // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2011. № 2. С. 195–217.
14. Гарро А. Людовик Святой и его королевство / пер. с фр. Г. Цыбулько. СПб. : Евразия, 2002. 256 с.
15. Isar N. Celica Iherusalem Carolina: Imperial Eschatology and Light Apocalypticism in the Palatine Chapel at Aachen // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов М. : Индрик, 2009. С. 313–337.
16. Эйнхардт. Жизнь Карла Великого / пер. с лат. М. С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М. : РОССПЭН, 1999. С. 7–34.
17. Редькова И. С. Духовные и мирские аспекты жизни кельнского духовенства в начале XIII в. // Общество : философия, история, культура. 2022. № 6. С. 162–166.
18. Ардер И., Барталь А., Дрори Й., Кацир Я., Нир Р., Розен М., Халамиш А. Иерусалим в веках: в 10 ч. Курс академической программы Открытого университета Израиля. Ч. 1 : От Иевусейского города к столице Израиля. Тель-Авив : Издательство Открытого Университета Израиля, 1997. 188 с.

Поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 10.11.2022